
Александр Федорович Котс

Речь на торжественном собрании посвященном восьмидесятилетию Моск. Зоопарка.

(1864-1944)

Восемьдесят лет существования Московского Зоологического Сада.

Восемьдесят лет служения Науке и Искусству, творческой научной мысли, творчеству карандаша, резца и кисти...

Восемьдесят лет несения самого доступного и увлекательного знания широким массам, чистой радости миллионам лиц, работы над культурой сердца, насаждения чувства симпатии и сострадания к миру бесловесных тварей...

Восемьдесят лет широкой воспитательной работы среди нашей молодежи!

И охватывая общим взглядом это долгое **восьмидесятилетие**, нетрудно усмотреть **три** основных этапа в жизни и работе Зоопарка, отразившиеся на самом названии Учреждения:

«**Московский Зоологический Сад**»

«**Московский Зоосад**»

«**Московский Зоопарк**»

Как ни похожи эти три названия — они обозначают три вполне определенные ступени роста и развития Учреждения, три разных понимания его задач, три совершенно разных установок и условий его жизни и работы.

Рискуя заслужить упреки в схематичности, возможно эти **три** ступени охарактеризовать примерно следующим образом:

Первый этап: От основания Сада и до национализации его. Полвека с лишним: 55 лет. Весь этот долгий срок возможно охарактеризовать:

отсутствие устойчивого взгляда на задачи Сада,

нескончаемые перебои достижений,

материальная необеспеченность

Второй этап: короткий, но решающий для всей последующей жизни Сада: первые **пять** лет по национализации: **Сад** в ведении **Наркомпроса**. Характеризуется этот отрезок жизни Сада следующим образом:

четкое, ясное определение задачи Сада

максимальное его научное использование

в обстановке колоссальных трудностей той героической поры.

Третий этап: И, наконец последнее **двадцатилетие**, Сад — в ведении **Моссовета**: **точное определение задачи Зоопарка интенсивная культмассовая и научная работа на основе прочной материальной базы.**

Это — время подлинного, яркого расцвета Учреждения. Его не в силах были заглушить ни вражеские бомбы, ни частичная эвакуация, ни неизбежные в такое время перебои по снабжению Сада топливом и продовольствием.

Но даже более того. На фоне горестных утрат, постигших Зоопарк в связи с эвакуацией ряда ценнейших экспонатов, мы с тем большей благодарностью должны расценивать громадные заслуги персонала Зоопарка, его служащих, его администрацию за сохранение оставшегося здесь, в Москве, в это тревожное и героическое время.

Более того. Возможно только изумляться, как в этой обстановке боевого тыла, преданность, энергия, любовь к своему делу обеспечили не только сохранение подавляющего большинства животных, оставшихся

на попечении Зоопарка, но и продолжение ряда научных опытов, как и работы по обслуживанию массового посетителя.

И вот наш **Зоопарк** опять стоит на переломе.

Смолкло грозное гудение вражеских аэропланов. Рев зениток заменился громом боевых салютов, а тревожные лучи прожекторов — каскадами рубиново-смарагдовых лучей, и звезд, взрывающихся над стенами Кремля, вещая близость окончательной победы над врагом культуры и цивилизации.

И вот, в предвидении этой победы и восстановления экономики страны, грядущего расцвета всей нашей культуры **Зоопарку** уже ныне предлагается обдумать планы расширения его работы, чтобы стать достойным имени столицы- Победителя...

И вот, перед лицом этой громадной и ответственной задачи, на пороге нового этапа жизни **Зоопарка**, нам всем и настоящим, и бывшим его работникам, естественно спросить: Как обеспечить выполнение этих работ и оправдать доверие Хозяев **Зоопарка** — и не только Членов **Моссовета**, но стоящую за ними **Русскую Науку** и **Советскую Общественность**, Миллионы посетителей крупнейшего в Союзе **Зоопарка**? Как всего надежнее и лучше одолеть возможные и неизбежные нас ожидающие трудности?

А эти трудности громадны.

И в предвидение их, уместно вспомнить об одной элементарной истине, обычно правда, забываемой. Эта простая истина, нам говорит, что «**истинные трудности** нередко возникают именно по прекращении внешних затруднений и помех».

И в самом деле. До тех пор, пока имеются конкретные и объективные помехи и преграды- промахи и неудачи можно объяснять этими внешними причинами. Но стоит этим внешним тормозам исчезнуть — как со всею силой вырастают трудности или сомнения.

Применяя сказанное к настоящему и прошлому **Зоологического Сада**, можно было бы сказать:

За все те долгие полвека, что наш Сад всецело находился в ведении **Общества Акклиматизации** — не пользуясь поддержкой царского правительства — все неудачи учреждения можно было объяснять необеспеченностью материальной:

Не было тех промахов, порой несообразностей, которые бы не оправдывали бедностью и нищетой, отсутствием поддержки общества или правительства.

Но в большей степени уместны и оправданы казались эти ссылки на препятствия в течение **пяти** последующих лет: в первые годы жизни Сада после национализации.

Достаточно напомнить состояние Москвы в ту героическую пору: темная и мерзлая, тифозная столица, голодающее население, и в частности **Зоологического Сада**. Как его Директору, мне приходилось одновременно бороться и с голодным служащим, и с голодающим животным. Сколько раз за эти долгие пять лет мне приходилось лично выхлопывать, выпрашивать, вымалывать корма для голодающих животных, перехватывать на улицах Москвы валявшиеся трупы лошадей, массовых жертв безкормицы.

И так легко казалось бы в ту пору ограничиться заботами по сохранению животных, их обереганием от холода и голода и на вопрос: Зачем же Зоосад не

И, однако же мы не пошли по этой линии — но без рекламы и шумихи — в перерывы между собиранием дохлых лошадей на улицах Москвы — старались максимальным образом использовать животных Сада для научных целей. Именно за эти первые голодные пять лет были написаны две капитальные научные работы, проделаны десятки тысяч опытов над их способностями к различению цветов и формы.

Лично мною закреплены на фотоснимках все животные, проверены десятки опытов и наблюдений Дарвина, закреплены в рисунках и таблицах, в сотнях препаратах... Наконец самая ценная, единственная за все время жизни Сада — ежедневно, неуклонно проводились наблюдения над повадками, инстинктами животных, наблюдения, закрепленные в бесчисленных рисунках, сделанных с натуры нашим лучшим рисовальщиком животных и главой художников-анималистов — В.В. **Ватагиным**.

Можно уверенно сказать, что никогда, ни раньше, ни позднее поголовье Сада не было так многогранно и столь интенсивным образом использовано в отношении научном и музейном, т.е. для науки и широкой массы, как за время тех экономических труднейших лет!

Но удавалось это только потому, что удалось привлечь к этим работам выдающихся ученых и художников — анималистов. Удалось это лишь потому, что вопреки катастрофическим условиям экономическим — нашлись в Саду усердные и преданные делу, полные самоотверженности работники и среди служащего персонала — вроде ныне здравствующего Ветерана **Теплякова**.

Но не то — теперь: При открывающихся после окончания **войны** широких перспективах по восстановлению жизни всей страны, и в частности нашей столицы и зоологического Сада — при той возможной и авторитетной помощи, которую нам обеспечивает **Моссовет** — не станет места для оправдывания в деле неудач на объективные препятствия:

Как Вы используете даваемые Вам возможности — будет единственно и целиком зависеть исключительно от Вас!

И никакие ссылки на наследие «былого» не способны будут искупить Ваших ошибок и погрешностей:

Напротив: в этом прошлом — наряду с многими ошибками и недосмотрами имеется момент — громадной стимулирующей силы, налагающий на Зоопарк громадный долг и величавую ответственность перед культурой Родины.

Как ни расценивать реальные итоги собственно научных достижений **Зоосада** за истекшие Восьмидесятилетие работали в нем, а отчасти возглавляли Сад нередко крупные ученые-зоологи, порою с европейским именем или во всяком случае — с громадным стажем практиков-натуралистов.

Не случайно — основание Сада связано с московской профессурой, в том числе таким талантливым многосторонним ученым, как покорный **Усов**, и таким талантливым организатором, как Анатолий **Богданов**: двух родоначальников московской Школы нынешних зоологов, громаднейшее большинство которых в разной степени стояло близко к **Зоосаду**. Здесь достаточно напомнить имена: покойного Проф. **Житкова** и **Кожевникова**, академика **Кулагина**, профессоров **Дементьева** и **Турова**, **Огнева**, **Гептнера**, не говоря уже о непосредственных работниках в Саду — проф. **Мантейфеля** и П.А. **Петряева**.

И вот перед лицом этого цвета нашей фаунистической науки (я невольно ограничиваюсь лишь Москвой и высшими лишь позвоночными) да будет мне позволено, здесь, как старейшему Зоологу из группы тех, кого не миновала радостная, но и горестная доля быть Директором **Моск. Зоологического Сада** — обратиться к нынешней администрации с одним сравнением и одним заветом:

Все мы патриоты нашей героической победоносной Родины гордились и гордимся необъятными ее просторами, воспетыми нашими лучшими поэтами и песнями.

И все же кровью сердца осознали мы за время этих героических и грозных лет, что истинная слава и величие страны и нации определяется не в километрах и гектарах, но достоинством отдельных граждан, нравственной силой населения и величием его руководящих гениев.

И прилагая сказанное к нашему сегодняшнему Юбилюру, можно было бы сказать:

Все мы, причастные к его минувшему и настоящему приветствуем все, что содействует пространственному улучшению Зоопарка украшению построек, и обогащению его животных обитателей.

И все же будем помнить, самые прекрасные постройки и распланировки, самые богатые подборы и коллекций не покроют и не возместят прорывов или упущений в отношении научном.

Никакое поголовье, взятое как таковое — не создаст научной подосновы, а лишенная ее работы **Зоопарка** будет лишена своих питательных, живительных корней, рискуя превратиться лишь в «зверинец» на открытом воздухе.

Больше, чем где-либо — успех работы и залог преуспеяния зависит от **состава кадров**, не одних технических, но и стоящих за спиной их — научных сил, научных деятелей Учреждения.

И подводя итог — моему краткому приветственному слову — разрешите мне его закончить пожеланием, облеченным форму давней и общеизвестной формулы:

«**Сначала жить — а потом философствовать**»

Так говорили еще в древности.

Корректируя этот известный афоризм, мы сказали бы:

Сначала жить, затем лишь философствовать, чтобы возможно действеннее претворить идею в практику.

И в свете этого тройного требования можно было свести четыре основных этапа жизни **Зоосада** к следующим четырем вариантам:

Первые полвека жизни Зоосада:

«Плохо Жили, много философствовали, мало проводили в Опыт»

Первые пять по национализации:

«Трудно жили, в меру философствовали, и по мери сил предельно проводили в практику.»

С переходом в ведение Моссовета.

«Хорошо, безбедно жили, в меру философствовали, проводили в опыт.»

Пожелание для будущего, предстоящего восстановительного после окончания Войны-периода:

«Превосходно жить, прекрасно философствовать, предельно максимально проводить работу мысли в повседневный опыт!»